

ГРАНИЦЫ СМЕШНОГО

лит. газета 1944, 14 сент. № 34

НЕ ЗНАЮ ничего более драматического, чем взаимоотношения Чехова и киноэкрана. Силы тут неравные. С одной стороны — могучее сегодняшнее искусство, вооруженное «поверх зубов», со всеми своими широкоформатными возможностями, с микрофонами и мегафонами, всевозможными усилителями, с режиссерским «Мотор!», похожим на команду «Огонь!». С другой — беззащитный писатель с поблескивающими стеклышками пенсне. Нет смысла перечислять все былые неудачи. Читатель Чехова, став зрителем, нередко оказывался в роли потерпевшего. Назовем лишь одну недавнюю экранизацию — «Вишневый сад». В этой работе Л. Хейфеца было так много умения, старания, тщательности и так мало радости для нас, сидевших перед телевизором!

Чехов говорил: лучше недосказать, чем пересказать. А режиссер и актеры все досказывали. Чеховски безмерное становилось строго и точно измеренным, и было скучно.

Перед нами новая кинокартина — «Неоконченная пьеса для механического пианино» (по мотивам произведений А. П. Чехова). Сценарий — А. Адабашьяна и Н. Михалкова. Постановка Никиты Михалкова.

Хотя написано — «по мотивам», авторы взяли, как говорится, за основу юношескую пьесу Чехова «Безотцовщина».

Существует представление: Чехов начинается с шуток, с юморесок, с Антоши Чехонте. Развиваясь, он становится все более серьезным.

С Чеховым-драматургом было все не так. И начинал он не с юмористики, а с самой серьезной попытки стать Чеховым. Восемна-

дцати лет он взялся за большую пьесу и работал над ней три года. Он отнес ее М. Н. Ермоловой, потерпел неудачу и разорвал рукопись. Долгое время пьеса считалась пропавшей, но затем она была найдена и впервые опубликована в 1923 году.

Странная это пьеса — и слабая, и незрелая, и ученически-громоздкая. По объему «Безотцовщина» — «Чайка», «Три сестры» и «Вишневый сад», вместе взятые. Однако, читая ее, вы все время предугадываете будущего Чехова.

Действие происходит в именинны вдовы-генеральши Анны Петровны. Среди гостей-помещиков — учитель Михаил Платонов. Он — центральная фигура пьесы. Это если не духовный брат, то дальний родственник лишнего человека. Роль его на редкость точно и талантливо играет Александр Калягин.

Платонов, может быть, хуже других — но он знает это. В нем нет самодовольства. Чехов не любит людей, которые «равны себе», довольствуются тем, что есть. Он ищет человека, который хочет стать лучше себя, пробуждается от душевной дремоты, вырывается из затягивающей обывательщины.

Платонов в исполнении Александра Калягина зол, насмешлив, все время веселится, эрничает, издевается. Но постепенно становится понятно: больше всего он недоволен самим собой. Подготавливается финальный взрыв в душе героя. «Что я сделал? Что успел? Как живу?» — эти вопросы с силой овладевают им, он мечется, выбегает из дому и, добрав до обрыва над речкой, прыгает вниз. Есть в этом прыжке — речонка оказалась мелкой, он шагает по воде, как новоявленный спаситель, — что-то трогательное, искреннее и в то же время епиходовски-комичное и нелепое.

Мне пришлось участвовать в зрительской конференции по этому фильму, которая проходила в Доме кино. Постановщику пришла записка примерно такого содержания: Чехов — писатель серьезный, а у вас действие превращается чуть ли не в фарс. И герой в финале выглядит смешным. Зачем это?

Чехов, действительно, серьезный художник. Однако, идя к зрелости, он не расставался со своим юмором, так и не расстался до самой смерти. Есть такое выражение: все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. А формула чеховского подхода к жизни обратная: все это было бы так скучно, когда бы не было смешно.

Юмор для Чехова — не добавочная, не дополнительная черта видения жизни. Это сам Чехов. И в полном соответствии с духом, манерой автора «Чайки» и «Вишневый сад» авторы фильма перебивают серьезное смешным. Платонов — Калягин прыгает в мелкую речку, к нему на помощь несет верная жена Сашенька (ее превосходно играет Евгения Глушенко), надевает на него шляпу, набрасывает дамскую шаль.

Серьгей Давлович (артист Ю. Богатырев) узнает, что его жена Софья Егоровна (артистка Елена Соловей) изменяет ему с Платоновым. Он страдает, мучается, ревнует, требует немедленно подать ему коляску, ноги его здесь не будут. Испуганные слуги выкапывают коляску, но нет лошади. И он, утомившись, засыпает в коляске... без лошади. И, может быть, ему снится дальняя дорога...

Один из гостей хозяйки-генеральши Анны Петровны (артистка А. Шуранова) — Щербук (в выразительном исполнении О. Табакова) изображает рев марала в роше. Звучит чудесная музыка Доницетти, которая мешается с мараловым ревом.

И так все время — последовательно стремятся авторы фильма передать полифоническую трагифарсовость Чехова.

«Безотцовщина» — лишь один первоисходный момент фильма. Авторы картины как бы соединили первую пьесу Чехова с последующими. Их метод иначе, как «трансплантацией» чеховских мотивов, не назовешь. И сделали они это одновременно бережно, осторожно и смело. Когда вы смотрите фильм, вы не чувствуете никаких швов — перед вами целостная поэтическая ткань.

«Неоконченная пьеса для механического пианино» вообще лишена искусственной сделанности, нарочитости. Никаких специальных курсивов, указательных перстов, многозначительных подмигиваний зрителю. Игра артистов Александра Калягина, Елены Соловей, Евгения Глушенко, Антонины Шурановой, Юрия Богатырева, Олега Табакова, Павла Кадочникова (он играет старика — тестя Платонова), Никиты Михалкова (исполнителя ро-

ли брата жены Платонова — Трилецкого), Николая Пастухова, исполняющего роль одного из гостей генеральши, — словом, всех, названных и неназванных, отличается веселой непринужденностью, свободой и простотой переходов от шутки к «серьезу», от страдания к усмешке и улыбке.

Сначала вы чувствуете разнородность трагифарса, пестроту и неконтактность людей, все время перебивающих друг друга, как будто не слышащих себя. Но в финале над всем этим трагикомическим разнородным торжествует лирическая нота. Платонов — Калягин в дамской шали смешон, но не только; и уж совсем не смешна Сашенька — Глушенко, утешающая его словами любви и веры в счастье. Ее монолог чем-то напоминает слова «Мы отдохнем». Зрители, которые только что смеялись, испытывают в этот момент совсем иные чувства, и мелодия Доницетти звучит уже без всякого рева марала.

И так постоянно. Нелепые люди, праздные разговоры, фразы и поэмы напоя — и вдруг зеленый луг, деревья, тихая песня, такая естественная. Или мальчик, задуренный воспитанием, правилами поведения, одергиваниями взрослых. Он хочет остаться один и убегают, сам не зная куда, по тропинке. Только бы не походить на всех.

Чехов, как никто, чувствовал комическую нелепость, абсурдность жизненных ситуаций. Но увидеть смешное для него — еще раз ощутить ненормальность. И — необходимость того, что естественно.

Фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино» весь полон переходов, перебоев, всплесков слез, то смеха, окружен атмосферой скрытого движения, неоднозначности, медленного проступания скрытого серьезного смысла сквозь буффонаду.

Для названия картины авторы воспользовались запиской в чеховской записной книжке — «Механическое пианино». Как решен этот мотив в фильме — говорить не будем. Напомним еще раз: Чехов учит, что лучше недосказать, чем пересказать.

3. ПАПЕРНЫЙ